

ГОЛОД В УКРАИНЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ГРЕКА

Аврамов Юрий Степанович

Родился в греческом селе Комар в 1910 г. Закончил сельскую школу-семилетку, а потом - Ногайский сельхозтехникум. В 1932-33 гг. Ю. Аврамов работал агрономом в южных районах Украины. В 1940 г. окончил Одесский медицинский институт. Работал врачом в г. Каховка.

24 июня 1941 г. Ю. Аврамов мобилизован на фронт. Служил военврачом в 116-й стрелковой дивизии. Находясь в окружении, осенью 1941 года попал в плен в районе села Ортица Полтавской области. Совершив побег из плена, работал хирургом в Херсонской области. По возвращении из Красной армии 8 месяцев находился на "государственной проверке" в Шатурском проверочно-фильтрационном лагере № 0324 НКВД СССР.

Отец Ю. Аврамова умер от голода в 1933 г. В 1941 г. фашисты расстреляли первую жену Ю. Аврамова, еврейку по национальности, вместе с их первенцем-младенцем.

С 1946 г. по 1961 г. Ю. Аврамов работал районным хирургом и главврачом в Херсонской области, а с 1961 г. по 1976 г. – заведующим отделением и городским хирургом в г. Артёмовск (Донецкая область).

Умер в 1992 году.

О голоде

В 1983-84 годах украинцы в США и Канаде говорили о 50-летию ужасного голода на Украине, унесшего миллионы людей. В наших газетах ничего об этом не писали.

Это было на моей памяти, я тогда был студентом техникума, мне было 23 года. Кое-что видел, понимал, ощущал на себе.

Не помню, чтоб о голоде писалось в газетах тех дней, чтоб кто-то поднимал голос в помощь голодающим. Бытует мысль, удобная для подонков: «Сталин об этом не знал». Голодала Украина, Кубань, и Сталин об этом не ведал? Сказка для простаков.

Я расскажу то, что видел, что рассказали мне в моей семье, что сам слышал.

Коллективизация на Украине

Проходила она под лозунгом «Сплошная коллективизация» и тут уж методов не выбирали, не оставались и перед применением насилия, оружия. В немилощности был не только крепкий хозяин (кулак), но и середняк, как мой отец.

Помню рассказ брата отца, дяди - Харлампия Юрьевича.

Противились коллективизации женщины, с граблями и вилами пошли они на скотный двор отбирать своих коров, лошадей, ибо на дворах этих порой не было никакого ухода.

Такой бунт случился в Петропавловке на Днепропетровщине, и член партии Харлампий Аврамов, 24-летний парень, с пистолетом в кармане поехал усмирять женщин – «бабий бунт». И не один он ездил.

Помню рассказ Павла Петровича Завального, захваченного в больницу г. Борислава. Рассказали ему очевидцы тех событий. Назаренко Гавриил Афанасьевич, вполне человек порядочный, собирал крестьян, не согласившихся ступить в колхоз, уговаривал, упрашивал. А если крестьянин не соглашался, вытягивал рывком наган, выводил во двор, инсценировал расстрел. А потом дверь открывалась и, еле переставляя ноги, плелся весь мокрый крестьянин, бледный как стена, уже «согласный».

И если этот порядочный Назаренко только инсценировал расстрел, то можно представить, как поступали в таком случае подонки, случайно примкнувшие к партии или желающие реабилитироваться карьеристы или службисты.

Жуткое впечатление осталось у меня от наблюдений случаев раскулачивания – ликвидация кулачества как класс.

Разве среди них были только эксплуататоры, разве часть из них своё зажиточное состояние не добила своим упорным, неустанным трудом?

Помню Белозерова, нашего соседа. Труженик, вечно не высыпался, во время уборки старался не приезжать с поля. Он тоже попал в кулаки.

Друг брата Коли, Костя, сын зажиточного крестьянина, работал в кузне колхоза, как и мой отец, оказался прекрасным мастером (его мой отец хвалил). Но пришёл указ: «Раскулачить!». И Костя, как и другие крепкие хозяева, в лютые морозы с женщинами, малыми детьми, стариками отбыл на подводе на станцию Просянную, за 30 километров.

Сколько их погибло в дороге, на станциях, в лесах на Севере или в Сибири! Попал мужик в сталинскую мясорубку, под корень срезали его.

Зло родит только зло, добро зло не родит

У нас не было амбара. А что крестьянин без амбара, без хранилища хлеба? Угол в доме не устраивал отца. Купил он старый амбар, достал где-то доски, нанял мастеров. Вырос в дворе амбар. Год пользовались, был богатый урожай пшеницы, засыпали его. Сосной там пахло, и я с Колей не раз там спал. Как-то слышу ночью разговор. Мама говорит, что Юру надо лечить, продать бы амбар...

Но тут пришла коллективизация, сразу приглянулся наш новый амбар, разобрали, ничего не выстроили, растаскали, но нас радости лишили.

Студент Аврамов

Я хотел учиться. В Днепропетровский землеустроительный техникум меня не приняли. На знания не обращали внимания. У меня не было характеристики комсомола.

Подался я в Володарское (за Волновахой) в совхоз-техникум. Сюда неохотно поступали, а рабочие совхозу нужны (кто от батраков откажется?). Работали бесплатно.

Закончил я этот техникум уже в г. Ногайске Запорожской области, куда был переведён, когда совхоз-техникум ликвидировали. В Ногайске мы также оставались рабочими. Было это в марте 1933 года. Мы голодали.

Получали по 200 граммов хлеба, баланду из сорго. Я был отечный от недоедания. Совхоз в Ногайске был семеноводческим. Сажали на семена капусту, лук, морковь и буряки. Этим ученики питались, но не всегда.

Однажды Леша Козырь подговорил нас пойти ночью в поле вырвать на грядках посаженные овощи и наесться. Нас поймал сторож и отвел к директору. Директор-армянин посмотрел на нас (нас было четверо), увидел, какой у нас жалкий вид, изголодавшиеся юнцы, и отпустил.

Может, от того времени осталась привычка есть сырую капусту, лук, морковь... Совхоз выращивал ещё бахчевые культуры.

В техникуме, вспоминаю, учил нас украинскому языку высокий, с рыжей козлиной бородкой, чуть сутулый учитель Новицкий. (Отец, говорили, был попом). Националист ли, не знаю, но Украину очень любил. Я же не очень силен был в украинском, а он хотел, чтобы я тоже им владел, любил, как он, украинскую литературу. Он часто говорил мне: «Аврамов, намагайтесь!». Давал мне задания, переводы с русского на украинский, был рад моим успехам. Может, от него у меня остались любовь к Украине, её языку, литературе. С удовольствием читаю и теперь на украинском языке журналы, тома Шевченко, Леси Украинки, других писателей, неплохо владею украинским языком.

И теперь не безразлична мне судьба Украины.

Учился у нас Грибанов, сын врача из Ногайска. Учился легко, хорошо одевался, был всегда сыт. И завуч Фёдоров часто говорил мне: «Ты, Юра, старайся перегнать Грибанова». Обо мне говорил с математиком Сорокиным: «У тебя устно всё хорошо, а вот задачи...». Явно мне симпатизировал.

Перед выпуском из техникума послали меня на двухнедельную практику в колхоз под Ногайском. Жил у бригадира в отдельной холодной комнатке. Был слаб, вечно голоден. Я обратил внимание на бидон, стоящий в этой комнатке. Привлек моё внимание, очевидно, запахом. Там было подсолнечное масло. Мог накрасть бригадир. И я подкреплялся, прикладываясь к этому бидону.

Как я студентом голодал, я уже писал, но кто из студентов в те годы не голодал, могут мне возразить. И я не очень стану спорить.

Как я закончил техникум, не помню, но этот бидон запомнил, голод заставил и не такое делать.

Выпуск был приурочен к весне 1933 года. Попал я в совхоз Новоукраинского района (ныне - Кировоградская область) как раз на посевную.

Директор Геращенко (фамилия до сих пор мне ненавистна) встретил меня почти враждебно: «Ты агроном? Мени агрономы не потрібни. Мэни потрібни робитныкы. Завтра визьмэш истык та й пидэш за сиялкою».

А тогда тракторных сеялок не было, не было той доски, на которой можно стоять и чистить сошники. Приходилось по паханой земле пешком бегать целый день, а сил-то не было. Три дня побегал, чувствую, не выдержу. Пошёл без копейки денег, голодный, на станцию и на товарняке поехал на Донбасс, домой. Я домой не писал и мне ничего не сообщали. Я не знал обстановки

дома. Решил я поехать к тётке, устроиться, чтобы не голодать. Был солнечный день 1933 года, я прибыл на Ясиноватую.

Прошло 52 года, а я ясно помню трупы на станции. Из сёл в города двинули крестьяне, в ожидании поездов, обессиленные от голодания, лежали вокруг вокзала, тут же [лежали] и умершие. Санитарные машины увозили и живых, и мёртвых.

Попал на рынок в поисках хлеба, но всё было очень дорого. Ещё в колхозе и совхозе я захаживал к крестьянам, видел, что они варили, видел, как умирали семьями, но не думал тогда, что это типично для всей Украины. Варили везде лебеду.

Пошёл к тётке Фане, маминой сестре. Меня накормили. От Дуси получили письмо, она писала, что от голода умер отец, такая участь ждёт и других. Я очень плакал. Отцу было всего 58 лет.

Дед Борис Давыдович накричал на меня: «Сколько можно плакать! Москва слезам не верит. Устраивайся на работу!».

Я был готов устроиться на любую работу, но нигде не принимали. Поехал в Мариуполь. По дороге, в вагоне один русский, видимо, недавно приехавший на Ук-

раину, наблюдая из окна за умершими и видя моё сострадание, сказал с презрением:

- Не хотят работать в колхозе, вот и дохнут от голода!

От обиды я не мог резко ему ответить, еле выдушил:

- Видно, недавно вы тут. Украинец за землю горло перегрызет. Он работать умеет.

Легче всего объяснить это преступление ленью целого народа, такого трудолюбивого во все периоды своей истории.

В Мариуполе спал на вокзале. Стоило только улечься, как милиционер: «Гражданин, здесь спать не разрешается!» Промучился две ночи, и вернулся в Ясиноватую, а оттуда - в Сталино, в облплодощ. Направили меня на Ящиковский рудник в ОРС около Сватова (Луганская область), овощеводом. Всё было дорого, денег не было, наверное, ничего не ел все дни, пока устраивался.

Агроном

Ящиковский ОРС представлял собой участок земли, на котором трудились рабочие. Жили они (ютились) тут же, в камышовой хате.

Я работал на огороде, питался в столовой для рабочих, хотя была столовая для ИТР. Старший огородник Рябоконт (из Винницкой области) как-то спросил меня:

Історія говорить устами очевидців

**Істина є дочка часу,
а не авторитету.**

Ф. Бекон

У 27-му номері нашої газети грецькою мовою була опублікована стаття про штучний голодомор в Україні 1931-33 рр., яка викликала різку реакцію зі сторони деяких наших читачів. В редакції залунали дзвінки. "Вісник" звинувачували у тому, що він публікує неправдиву інформацію і зводить наклепи на велику історичну особистість - Й. В. Сталіна. В наступному, 28-му номері була надрукована замітка нашого грецького кореспондента Такіса Насоса, який теж підтримав цю точку зору.

Незабаром до редакції надійшов лист-відповідь від нашого постійного читача Г. Аврамідіса, в якому він документально спростовує "випади" проти статті "Невідома трагедія. Україна 1931 - 1933".

Моя родина - в «щасливі» роки прямування до комунізму

Мені, як лікареві, дуже цікаво дискутувати із сталіністами, хоча я заздалегідь знаю, що переконати їх - справа марна.

Кожен з них, на мою думку, являє собою неабиякий інтерес, принаймні, для психоаналітика чи психолога.

За методами виправдання злочинів, які просто не може осягнути здоровий розум, я їх сам для себе підрозділяю на три категорії:

- "Так, все це було (хоч ви і значно перебільшуєте), але в той історичний час це було необхідно".

- Рідше чуєш: "Так, це було, але він не знав".

- І, нарешті, найчастіше: "Дурниці, цього взагалі не було!"

ка - Ніколаос, тоді 26 років, малоосвічений, далекий від політики сільський механізатор.

В січні 1938 року його БЕЗ СУДУ розстріляно у підвалах НКВС "за контрреволюційну діяльність". Родини повідомили, що він отримав "10 років без права перепіски".

В період хрущовської "відлиги" родичам на запит до органів КДБ відповіли: "Вмер у 1949 році від раку горла".

Уроки так званої перебуудови, знаючи, що все це була безсоромна брехня, я вже від себе надіслав запит у Донецьке КДБ. Ось, товаришу Насос, їх відповідь. А ось і свідоцтво про причини смерті - розстріл.

Останній спосіб виправдовування людоджера із грузинського містечка Горі вибрав і товариш Т. Насос.

...У моїх руках дуже старе поживкле фото. Сільський двір, пошарпана хатина, небіжчик. Кругом виснажені, засмучені люди: родина, близькі, сусіди. Не уявляю собі навіть, хто б міг зробити цю фотографію.

На зворотньому боці написано: с. Камар, 15 травня 1933 року. Це грецьке село розташоване у Велико-Янісольському районі Донецької області (зараз Велико-Новосілковський р-н).

Для кожного українця відразу все стає ясно: 1933 рік - дата страхітливого штучного сталінського голодомору, який заподіяла більшовицька нелюдь.

Небіжчик - мій дід С. Аврамов (Аврамідіс), до речі, за комуністичними мірками - якнайкращого походження - сільський пролетар, машиніст парового млина. Помер у віці 58-и років від ГОЛОДУ.

Молодий хлопець, що в зажурі схилився над ним, старший брат мого бать-

[illegible]

- Аврамов, ты не жид? Ходыш боком, як жид.

- Нет, я не жид. Я ж не вижу, как я хожу.

Я у этого Рябоконя попросил: нельзя ли мне в столовой ИТР питаться?

- Ни, не можно. Цэ трэба же заслужиты.

Этот не симпатичный мне Рябоконь говорил красивой, певучей «украинською мовою», не такой, как говорят у нас на Донбассе.

Питался я лучше, не голодал, но и сытым не был. Коморник, с которым я познакомился, иногда

оставлял меня вместо себя отпускать продукты. В коморе был маргарин в кусках и я мог его понемногу глотать. Жил в помещении с тонкими, из камыша, стенами, без удобств. Было мне лучше, чем до сих пор, но мысль: «А как там, дома?» - не давала мне покоя. Я рвался домой.

Уехал я в Сталино, там меня направили в ОРС кирпичного завода имени Ворошилова (село Владимировка, Ольгинский район). Это по дороге Сталино - Жданов, около Волновахи.

Тут я работав более самостоятельно, как агроном. Директор ОРСа Корабельников в сельском хозяйстве не очень смыслил, но мне козны не строил, прислушивался к моему мнению, оказался неплохим человеком. В селе была пекарня. Пекарем был грек, Юрий Иванович (фамилии его не помню). Ходил голым по пояс, усы длинные, чёрные, как у турка. Если зайду к нему, пекарь отломит кусок хлеба, подкормит.

Решил я всё же домой съездить. Корабельников помог мне, дал мне три буханки хлеба. Сложил буханки в мешок, и поехал.

Дома

Ехал я домой на товарняке, на платформах везли уголь, руду. Остановится поезд на станции, я лягу, прячусь. Доехал до станции Роя и пошёл 40 километров пешком.

Село мое, Комарь*, лежит в пойме реки Мокрые Ялы. Чтобы попасть в село, надо спуститься с возвышенности. Путь мой лежал мимо кладбища. На кладбище, вижу я, изможденные люди (от голода) пытаются спустить в яму труп, но сил не хватает. Я им помог. Пошёл к своему дому. Вот он, во дворе - кухня. Вошёл на кухню. На плите казан, в нём варилась лебеда. Зашёл в дом. Там мать, Тонечка. Мать с тонкой шеей, лицо в пуху, у Тони шея и голова, как стебелек, качается. Я поздоровался, а они такие безразличные, никаких чувств. Извлек хлеб, а они накнулись. Стою и плачу. Представляю себе, как они переносили и голод, и холод, ведь соломы и у них не было.

Коли и Дани дома не было. Николай ходил вниз по течению реки, у моста бурно росла трава, и он там искал съедобные коренья. Там он не терял сознание, его привозили незнакомые люди. И на этот раз привезли его без сознания. Вечером пришёл Давид. 12-летний мальчишка, худой, синий от холода, искал на дне реки ракушки. Мать их варила, была хоть какая еда. Дуся рассказала мне об отце, о том, как они жили без меня.

Тут я хочу низко поклониться моей сестре Дусе, поклониться в знак моей признательности за её мужество, её усилия [по] спасению семьи. Ведь вся тяжесть в эти годы легла на её плечи. Если б не она, погибли б все.

Дуся рассказала мне, что отец долго в колхоз не записывался. Работал он на мельнице машинистом, наверное, говорил прямо, что думал о порядках на селе. Его причислили к подкулачникам. Пришли, забрали корову, корыто, четыре мешка картофеля, выкопанного на своём огороде.

Хлеба у них не было. Не хочешь в колхоз, умирай с голода. Наказать решили. Пришли молодые парни, среди них и близкий сосед, Сеня Даниил. У [него] один брат в белой армии был офицером, другой – у Махно, а он [сам] вершил правосудие. Вот эти молодчики схватили мешки с картофелем. Даня плакал, не давал, уцепился за мешки; они стали отрывать его ручонки от мешка, Даня укусил одного за палец. Картофель увезли, оставили без еды, хунвейбины**. Чем они питались? Кое-как дотянули до мая месяца. Тонечка вспомнила: «Принесли кусок дохлятинки. Как я ни была голодна, но это я есть не могла». Родные приносили моей семье кусок хлеба. Не часто он им попадал.

Дуся рассказывала ещё об отце. В совхозе «Перебужье» (по соседству) приняли отца слесарем-инструментальщиком. В сельсовете узнали, приказали отца расчитать. Так насильно толкали на голодную смерть. Не гуманнее б было этих крестьян просто расстрелять, чем подвергать их длительной голодной смерти.

Погибли и мои соседи, половина семьи Манол Йорка (Эммануил Юра), жена и муж, две девочки, дед Манол-папу умерли от голода. Остались три парня. (Один воевал, остался живым, два брата не были мобилизованы, но, как постольники, без подготовки пошли воевать, погибли на реке Молочной***. Постольники, необученные, призваны в армию после прихода наших, ходили в постолах, в своей одежде).

Я не мог долго задерживаться в селе, иначе б и я умер от голода. Даня мог двигаться, и я забрал его с собой. Дуся работала секретарём в ветлечебнице, у врача Лысова, [она] была менее истощённой.

Хочу с благодарностью вспомнить добрые дела, участие врача Лысова. Он, зная от Дуси о бедственном положении семьи, походатайствовал в сельсовете, чтобы сняли позорную кличку с отца (уже посмертно), помогли голодающим. Лысов был членом сельсовета. Вернули корову, наши ожили. Корову вернули, как рассказал мне Давид, в мае по записке, ещё папа был жив, когда эту записку дали. Корову нашу вернули, но отец её уже не увидел. Не верил, что вернут. Корову запрягали, она была худая, молока почти не давала, но с ней вернулась в дом надежда на спасение.

Я мысленно сравниваю жизнь крестьян 1928 года и печальную картину голода и разрушения 1933 года. С какой дьявольской целью это всё делалось? А если заглянуть глубже, то становится ясно: Сталину хотелось сломать волю украинского крестьянства, осмелившегося послушаться вождя,

* Название села пишется по-разному: Комар, Комарь. В исторических документах чаще встречается написание Комар. (укр., прим. редактора).

** Молодые активисты во времена китайской культурной революции 1960-х гг. (прим. редактора).

*** Река в Запорожской области. (прим. редактора).

на мельнице и в кузне). Мне запомнились братья Антон и Давид Зайдлици, они к нам приезжали, мы – к ним. В детскую память врезались картины посещений Антона. Его жена угощала нас белыми пряниками. Я таких сейчас не встречал.

В 1933-34 годах не был я в немецких колониях. Но не могли немцы в колхозе плохо работать, снимать низкие урожаи. Это ложь, что был в эти годы неурожай. Всегда возмущаюсь, когда слышу о неурожае в 1933 году. Я агроном, выезжал определять урожайность: гектар давал 12-15 ц[ентнеров], что по тем временам неплохо. Это неуклюжая попытка обелить Сталина, его зверства.

Голодали ли колонисты, не знаю, может, голодали. Но меньше, твёрдо знаю.

Было это в болгарском селе. Может, колхоз не выполнил первой заповеди «Хлеб – государству!» и потому не оставили ни в колхозе, ни у колхозников ни зерна, ни овощей, как в других сёлах. Свидетелем и даже участником тех событий был я сам. [Жители] голодали, а в селе искали «хлебные излишки» (всё под метелку).

Еще студентом техникума я вместе с Алешей Козырем, Кинашом, Мамаем, Жовтобрюхом искал хлеб в болгарском селе Бановка Периславского района на берегу Азовского моря. И что мы увидели? В избе увидели изможденную голодом женщину, а её муж в национальном болгарском костюме лежал уже... на столе. Умер от голода. Шупом протыкали землю, ничего не нашли. Умиравший от голода зерно не прячет. Закончили «борьбу за хлеб» тем, что нашли в сарае буряк, чем-то его разрезали и накинулись на эти куски: сами голодали.

Помню, в областной газете была статья за подписью немца, жителя одной из немецких колоний. Суть статьи: пришла из Германии продуктовая посылка (чёрная весть дошла туда). Этому немцу из колонии прислали. В статье он писал, что живёт хорошо, обеспечен всем, что посылка – фашистская провокация, и он возвращает посылку. Ему не нужны подачки фашистов. Вот такой спектакль был тогда разыгран.

Таких жутких картин, такого массового организованного голода, истребления голодом украинских и кубанских крестьян, мир не знал, но помнит об этом.

Голод 1921 года, когда действительно был неурожай, – только бледная тень генерального голода 1933 года.

Крестьяне терпели голод и холод. Основное топливо – солома, а она была в колхозе. Её крестьянам не давали. Не дай бог взять охапку соломы – социалистической собственности. Такое можно ли забыть? Могу ли простить смерть отца – потомственного пролетария? Дуся просила забрать корыто (ведь у нас всё забрали), чтоб похоронить отца. В сельсовете ехидно спросили: «А что, только отец умер? А что, мать ещё не умерла?».

Дуся просила, чтобы вернули хотя бы корыто, в котором хоронили людей. Досок-то не было.

Услышанное о голоде

Это было позже. Мы отдыхали у теток в Абхазии. В очереди за молоком слышу за собой разговор на украинском языке. Я заинтересовался. Оказывается, они с Кубани. Женщина рассказывала, что кубанские казаки, которые жили в предгорье, занимались земледелием, выращиванием пшеницы, и осенью возили пшеницу в станицы под Кубанью. [Там они] пшеницу меняли на картофель. И так повторялось из года в год. В 1933 году не приезжали, не привозили пшеницы. А в 1934 году снова приехали, обмен возобновился. Эта женщина спрашивает у приезжих казаков:

- А дэ ж Соколэнко Пэтро? Здоровый був козак.

- Нэма, помэр з голоду.

- А дэ Ковалэнко?

- И вин помэр з голоду...

В Артёмовске в 1980-е годы в очереди за мясом старая женщина рассказала, как её братья, одному 18, другому 22 года, в 1933 году умерли от голода. В колхозе выращивали шелковичные коконы, сажали тутовые деревья. Вот и рвали листья, терли руками, ели листья, как скот.

Греческие села близ станции Роя (город Куратово) – Улаклы, Богатырь, Комарь, Константинополь, Большой Янисоль, представляли тогда печальное зрелище, будто орда Батыева прошла, и вытоптала всё на пути. Дома умерших пустовали, разваливались (семьи целиком вымерли в голод). В сёлах уже не было сплошных строений, дома стали далеко друг от друга, села представляли собой шахматную доску, можно было свободно пройти из края в край села, нигде не было ни заборов, ни оград. Дворы стали распахивать и засеивать.

Когда пишу о голоде, вспоминаю рассказ отца о его разговоре с белым офицером из армии, бежавшей в Крым. Отец ковал лошадь офицера, бывшего учителя из Старого Керменчика*. Офицер понял, что отец чувствует красным, и сказал:

- Я знаю, вы всё ждёте красных, но вы вспомните нас, когда семеро голодных, будете гнаться за одной крысой.

А ведь в 1933 году ели людское мясо, убивали своих детей. Около 8 миллионов жертв. Где же были современные Львы Толстые, Короленко? Кто организовывал фонд помощи голодающим?

Нигде нет об этом ни слова.

г. Артёмовск (Донецкая область, Украина). 1985 г.

Источник: архив Г. Аврамидиса (г. Афины, Греция).

* Ныне село Старомлиновка Донецкой области. Основано греками в 1779 году. (Прим. редактора).